

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ КАК КАТЕГОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ НАУКИ: ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Аннотация. В статье освещается происхождение понятия «стратегическая операция» в отечественной военной науке, содержание, которое вкладывалось в неё русскими и советскими военными теоретиками, проведён анализ использования этого понятия применительно к Первой мировой, Гражданской и особенно Великой Отечественной войнам.

Ключевые слова: история военного искусства; стратегическая операция; операции Великой Отечественной войны.

Summary. The article highlights the origins of the concept of "strategic operation" in our country's military science, the content that has been invested in it by Russian and Soviet military theorists, analyzes use of this concept in relation to the First World War, the Civil War and especially the Great Patriotic War.

Keywords: history of military art; strategic operation; operations of the Great Patriotic War.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ операция как высший и наиболее сложный вид операций вооружённых сил занимает важное место в теории и практике военного искусства. Вместе с тем в военной литературе остаются не освещёнными вопросы о том, когда впервые появилось данное понятие, какую роль в этом сыграла военная теория, с какого времени и применительно к каким операциям оно стало применяться, как развивались представления о стратегических операциях вооружённых сил в Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войнах.

Прежде всего следует обратиться к понятию «операция» в контексте истории стратегии как ведущей составной части военного искусства. Термин «операция» широко использовался в трудах о стратегии начиная с конца XVIII века, то есть с того времени, когда с «лёгкой руки» англичанина Г. Ллойда (1729—1783) появилась сама стратегическая наука. При этом под операцией понималось «всякое движение армии, непосредственной целью которого является противник»¹. Стратегия была призвана исследовать искусство ведения армией операций, а тактика — искусство сражения и боя. Центральное место при планировании ведения армией кампаний и операций отводилось правильному выбору операционной линии, привязываемой к «базису» снабжения (коммуникациям) и условиям местности.

Г.А. Леер, многие годы возглавлявший отечественную академическую школу стратегии, определял её как «трактат об операциях на театре военных действий» в отличие от «тактики поля сражения» (боя)². У Леера и его последователей (Н.П. Михневич, Н.Н. Сухотин, А.Г. Елчанинов и др.) стратегические операции получили явно широкое толкование: они разделялись на подготовительные (от комплектования армии, её организации и оснащения до стратегического развёртывания войск на ТВД), главные (связанные с движением армии по избранной операционной линии навстречу сражению) и вспомогательные (по устройству тыла)³. При этом изложение плана главных операций у Леера и его последователей по традиции, идущей от Ллойда и Булова, сводилось к освещению принципов правильного выбора операционной линии и движения по ней с целью создания наиболее благоприятных условий вступления в сражение с противником, после чего стратегия передавала свои права тактике⁴.

Таким образом, введя в обиход военного искусства понятие «операция», военные теоретики сра-

зу же отнесли её к области стратегии, понимали её именно как стратегическую операцию. Но это была не совокупность действий армии по единому плану и замыслу с целью разгрома противника, достижения той или иной стратегической цели, а довольно сложная система мероприятий военного командования и «движений» армии, собственно предшествовавших её боевым действиям на театре войны.

К началу XX века в русских трудах по стратегии понятие «операция» стало толковаться более определённо, с приближением его к собственно боевым действиям армии. В статье «Операция» «Энциклопедии военных и морских наук» (под редакцией Г.А. Леера) операция определялась как «известный, законченный период, от стратегического развёртывания армии на исходной линии операции до окончательного решения последней путём победоносного сражения на поле сражения... Каждая операция обнимает всю стратегию, начиная с основной идеи операции по цели и направлению (её плана, замысла) до полного перевода её в жизнь посредством марша-манёвра... и наконец — боя с его последствиями»⁵. Однако «план, замысел» по-прежнему связывался с поиском оптимальной операционной линии.

Собственно в категориальном аппарате военного искусства не было закреплено и само понятие «стратегическая операция», считалось достаточно говорить просто об «операциях» («военных операциях»), выступавших главной сутью стратегии. Так, в вышеупомянутой энциклопедической статье понятия «операция» и «стратегическая операция» употреблялись именно как синонимы, при этом понятие «операция» использовалось многократно, а «стратегическая операция» — лишь несколько раз. «Стратегические» писатели употребляли понятия «военные действия стратегического значения» (или масштаба), «операция армии» и даже (после Русско-японской войны) — «операция группы армий», рассматривая их, естественно, как стратегические, но термин «стратегическая операция» (как «масло масляное») использовали не часто.

После Русско-японской войны лееровская школа стратегии стала постепенно сдавать свои позиции, подвергаться критике за расплывчатое учение об операционной линии, слабое знание современной войны, а также за концепцию «вечных и неизменных» принципов военного искусства. Кое-что новое появилось и в понимании операций. А.А. Незнамов в своих работах ввёл понятия «стратегически-наступательная операция» и «стратегически-

**Генерал от инфантерии
Г.А. Леер (1829 — 1904),
автор шести изданий
«Стратегии»**

о оборонительная операция», при этом стратегической обороне он посвятил многие страницы своего труда «Оборонительная война»⁶. В нём излагались взгляды на организацию военных действий в оборонительной войне (которую, по мнению автора, вести легче, чем наступательную), но ни дефиниции, ни плана собственно стратегически-оборонительной операции учёный не предложил. В 17-м томе «Военной энциклопедии» издания И.Д. Сытина (1914) в статье «Операция» было дано следующее определение этого понятия: «совокупность стратегических и тактических действий, направленных к достижению какой-либо частной задачи данной войны и завершаемых обыкновенно крупным боевым столкновением сторон»⁷. Далее: «План операции должен слагаться из установления её цели, выяснения ближайшей задачи на пути к достижению этой цели и способа решения её...» Это был шаг вперёд в сравнении с точкой зрения Леера — Михневича, но не очень большой: далее вовсе не затрагивались вопросы о том, кто и как планирует и организует операцию, какими конкретно силами она проводится. В условиях, когда только складывалось понимание операции как формы боевых действий армий (армейской операции), а фронтовые объединения ещё только зарождались, стратегия была не в состоянии разграничить понятия «операция» и «стратегическая операция», сформулировать критерии стратегической операции.

В 1922 году под воздействием опыта Первой мировой войны А.А. Незнамов в предисловии к последнему изданию своего труда «Современная война» писал: «Стратегическая операция... является, на мой взгляд, центром тяжести теории военного искусства»⁸. Но в содержании труда, как и в предыдущих его изданиях, он никак не развил и не конкретизировал эту мысль.

Обложка книги

Вскоре в советской военной науке понятие «стратегическая операция» на долгое время было забыто, на что были свои причины. В 1920—1930 гг. в результате изучения опыта боевых действий фронтов и армий в Первой мировой и Гражданской войнах шло активное становление новой составной части военного искусства — оперативного искусства, связанного с раз-

работкой понятий фронтовой и армейской операции. Разработка новой теории глубокой операции, собственно, также не выходила за пределы теории оперативного искусства. Один из авторов теории глубокой операции Г.С. Иссерсон подчёркивал, что глубокое сражение, «воплотившее в себе все явления операции в эпоху глубокой стратегии, будет от начала и до конца сферой компетенции современного оперативного искусства»⁹. Суть и роль стратегии в обоих её вариантах — стратегии наступления (сокрушения) и стратегии обороны (измора), считал А.А. Свечин, — «в ведении военных действий как группировки операций для достижения конечной цели»¹⁰.

Возможный огромный размах глубокой операции, казалось бы, вёл к выводу о необходимости разработки теории стратегической операции фронта или группы фронтов. Однако большинство советских военных теоретиков возлагали проведение глубокой операции лишь на армию, действующую на направлении главного удара и усиливаемую дополнительными силами и средствами. «Вообще в области стратегии многие коренные вопросы разрабатывались в 30-е гг. недостаточно обстоятельно. В итоге по большей части проблем возник слишком большой разброс во мнениях. И это не случайно. По указанию председателя РВС СССР М.В. Фрунзе еще в 1925 г. цикл лекций по стратегии в Военной академии РККА был сокращён при одновременном увеличении времени на изучение тактики. С 1929 г. стратегия из числа практических предметов превращается в военно-образовательный предмет с целью дать слушателям единую точку зрения на всё военное дело, прививать правильное понимание основ ведения и теории оперативного искусства»¹¹.

Имелась и глубинная причина того, что военные теоретики-стратеги ушли в тень: видимо, занимаясь стратегией, тесно связанной с политикой, в советской России становилось всё опаснее. И.В. Сталин и его ближайшее окружение считали это своей прерогативой и с растущим раздражением относились к «стратегическим мыслителям», особенно вышедшим из русской армии. Печальную судьбу А.А. Свечина (автора нашумевшей «Стратегии»), подвергшегося первой репрессии в 1931 году, а в 1938 году казнённого, никто не хотел повторять. Деятельность М.Н. Тухачевского, как известно, тоже много писавшего на стратегические темы, также была оборвана насильственно. Иссерсон был репрессирован в июне 1941 года.

В 1940 был подготовлен «Оперативный словарь», в котором понятие «стратегическая операция» отсутствовало. Относительно фронтовых операций задачи стратегии сводились к «определению целей операций» на ТВД и к «организации взаимодействия между фронтами»¹². Фронтовая операция относилась к компетенции оперативного искусства и в то же время она характеризовалась как «операция, преследующая достижение стратегических целей на определённом театре военных действий»¹³. Как видно из этих определений, в предвоенной теории операций имелись очевидные противоречия. Это не могло не сказаться на качестве планирования операций советских приграничных округов (фронтов) в надвигающейся войне.

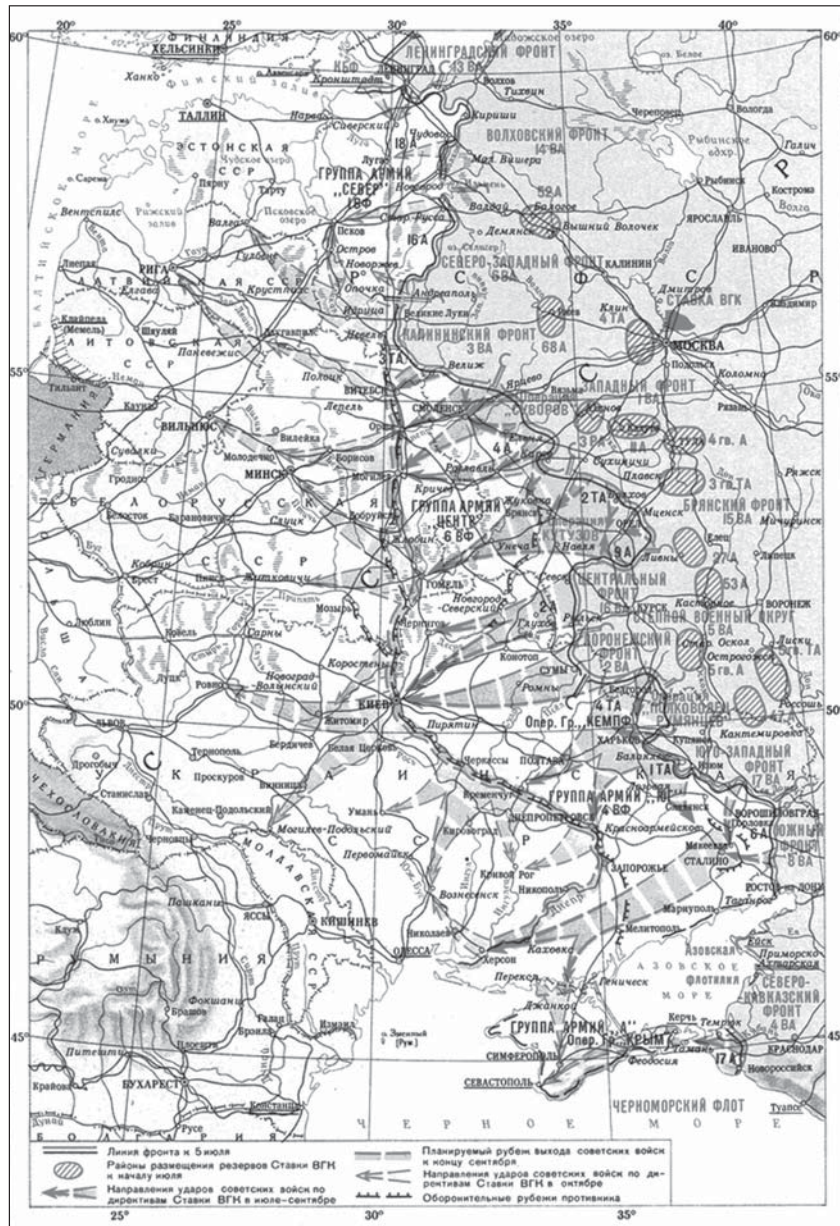
Об утрате в 1920—1930 гг. понятия «стратегическая операция» свидетельствовала терминология, которая использовалась при описании военных действий в Первой мировой войне. Как показывает текстологический анализ, в трудах об этой войне, написанных ведущими военными историками А.М. Зайончковским, А.К. Коленковским, Н.А. Та-

ленским¹⁴ и другими, при описании операций фронтов понятие «стратегическая операция» не использовалось даже в тех случаях, когда авторы говорили о «стратегическом замысле» или большом «стратегическом значении», «стратегическом масштабе» той или иной операции. То же самое относилось и к категориям стратегии, использовавшимся при описаниях Гражданской войны 1917—1922 гг.

Понятие «стратегическая операция» было возрождено Великой Отечественной войной, прежде всего практикой военных действий Красной армии в крупнейших сражениях этой войны. Но путь от практики к теории, к включению стратегической операции в понятийный арсенал военного искусства в Великой Отечественной войне и в число категорий советской военной науки оказался довольно сложным. Это был именно тот случай, когда практика опередила теорию, преодолев упущения военной науки предвоенных лет. Уже фронтовые операции начального периода войны — Западного фронта в Белоруссии, Юго-Западного фронта в Западной Украине и Северо-Западного фронта в Прибалтике — по своему значению и размаху вооружённой борьбы носили явно стратегический характер. Ещё в большей мере это относилось к операциям групп фронтов, начиная со Смоленского сражения 1941 года. В период битвы под Москвой 1941—1942 гг., во многом решавшей исход войны, Ставка Верховного Главнокомандования к проведению Московской оборонительной, а затем Московской наступательной операций привлекла силы 4 фронтов, соединения Войск ПВО страны и ВВС. В ходе битвы за Сталинград 1942—1943 гг. Ставка ВГК руководила действиями нескольких фронтовых объединений по организации стратегической оборонительной, а затем наступательной операций.

Вместе с тем в годы войны понятие «стратегическая операция», по сути, не закрепилось в военном языке. Речь, в частности, идёт о том, что в многочисленных документальных материалах (Ставки ВГК, Генштаба и других органов высшего военного управления), относящихся к планированию и проведению операций Красной армии, это понятие

(«стратегическая операция») дословно нигде не использовалось. Этот факт до сих пор очень смущает некоторых военных специалистов и приводится ими в качестве аргумента ошибочности включения стратегических операций в военное искусство Красной армии периода Великой Отечественной войны. Но этому, если вдуматься в ситуацию войны, можно найти вполне понятное и резонное объяснение: Ставке ВГК, Генштабу и другим органам высшего военного управления в условиях напряжения военных дней и ночей было не до теоретических понятий (до войны не использовавшихся), и потому отсутствие в языке директив и приказов высшего командования «стратегических операций» отнюдь

Планирование операций Красной армии в летне-осенней кампании 1943 г.

Белорусская стратегическая операция 1944 г.

не говорило о том, что таковые не проводились. Можно также установить тот факт, что в отличие от документов военного командования в советской военно-научной литературе потребность в воскрешении понятия «стратегическая операция» возникла ещё в ходе войны. Так, авторитетный военный теоретик Е.А. Шиловский в 1944 году в журнале «Военная мысль», характеризуя Белорусскую операцию четырёх советских фронтов, назвал её «большой стратегической»¹⁵. Генерал-лейтенант В.М. Злобин, обобщая опыт операций Великой Отечественной войны, в своей теоретической публикации отмечал, что ныне фронтальная операция «является в большинстве случаев частью крупной стратегической операции, проводившейся Верховным Главнокомандованием»¹⁶. Шиловский первым сделал такое обобщение: «Отечественная война... дала операции нового типа, которых ещё не знала военная история, а именно — операции нескольких взаимодействующих фронтов, решающих общую стратегическую задачу»¹⁷.

В первые послевоенные годы журнал «Военная мысль» продолжил публикации о стратегических

Львовско-Сандомирская стратегическая операция 1944 г.

операциях Великой Отечественной войны¹⁸. В 1956 году генерал-майор Н.П. Иванов в одной из глав своей закрытой докторской диссертации, защищённой в Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова, осветил опыт стратегических наступательных операций Великой Отечественной войны. В 1958—1959 гг. был издан подготовленный Военно-научным управлением Генштаба капитальный 4-томный труд «Операции советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», в котором большое внимание уделено анализу стратегических операций советских войск. В частности, в числе крупнейших стратегических наступательных операций выделены Московская, Сталинградская, Белорусская, Яско-Кишинёвская, Висло-Одерская, Восточно-Прусская и Берлинская¹⁹. Но стратегические операции, отмечалось в труде, проводились и силами одного фронта: например, Львовско-Сандомирская операция войск 1-го Украинского фронта — это «поучительный пример осуществления стратегической наступательной операции силами одного фронта»²⁰.

Заметим, что в данном и во многих других случаях в качестве словосочетания, равнозначного термину «стратегическая операция», часто использовалось понятие «операция стратегического значения» (что характерно и для многих других предыдущих и последующих публикаций об операциях Великой Отечественной войны).

В книге «Военная стратегия» (1962), над которой работали лучшие военные учёные, при освещении опыта советской военной стратегии в годы Великой Отечественной войны приведены примеры стратегических наступательных операций (в том числе их характеристики в табличной форме) и стратегических оборонительных операций (в числе «наиболее крупных» из них названы Смоленская, Московская, Ленинградская, Сталинградская, Кавказская, Курская²¹). Концепция стратегических операций, изложенная в «Военной стратегии», была сохранена в 3-томном труде «Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1962), подготовленном научно-исследовательской группой Генерального штаба под руководством генерал-полковника В.И. Кузнецова. В 1969 году генерал-майор А.Н. Грылёв защитил в Военной академии Генерального штаба (ВАГШ) ВС СССР докторскую диссертацию «Советская военная стратегия в Великой Отечественной войне», где обобщил опыт руководства стратегическими операциями в этот период. В своём исследовании он, в частности, подчеркнул тот факт, что теории стратегических операций групп фронтов в предвоенный период не имелось и их осуществление стало «новым явлением, зародившимся и утвердившимся в ходе войны»²².

Параллельно с углубленным изучением стратегического содержания Великой Отечественной войны понятие «стратегическая операция» стало вводиться в характеристики военного искусства периода Первой мировой войны. Так, в своём труде «Вооружённые силы и военное искусство в Первой мировой войне» (1974) видный военный учёный А.А. Строков использовал это понятие при характеристике Галицийской битвы 1914 года на русско-германском фронте, Пограничного сражения 1914 года и операции Нивеля 1917 года на Западном фронте²³. В 2-томной «Истории первой мировой войны» коллектива военных историков к числу стратегических операций отнесены также Восточно-Пруская операция русской армии 1914 года и наступление союзников на Марне в 1914 году²⁴. В «Истории воен-

ного искусства», подготовленной Институтом военной истории МО СССР под редакцией П.А. Жилина (1986), сформулирована такая оценка военных событий в кампании 1914 года: «Военные действия на Восточно-Европейском театре вылились в четыре крупные стратегические операции: Восточно-Прусскую, Галицийскую, Варшавско-Ивангородскую и Лодзинскую»²⁵.

Понятие «стратегическая операция» постепенно осваивалось и применительно к вооружённой борьбе в Гражданской войне 1917—1922 гг. В капитальном труде «Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия» (1983) при характеристике военного искусства Красной армии говорится, что основной формой проведения ею стратегического наступления были «стратегические наступательные операции, осуществлявшиеся силами одного или двух фронтов на театре военных действий. Иногда проводились стратегические операции группы фронтов, действия которых координировались Главным командованием Красной армии»²⁶. В статье «Стратегическая операция» «Военного энциклопедического словаря» (1986) в кратком историческом экскурсе дана такая формулировка: «В период Гражданской войны Советская армия осуществила ряд стратегических наступательных и оборонительных операций»²⁷.

Обобщённая характеристика стратегических операций в Гражданской войне представлена в труде «История военной стратегии России» (руководитель авторского коллектива — А.А. Данилевич). В частности, в числе стратегических наступательных операций Красной армии названы наступление Восточного фронта 1918—1919 гг., контр наступление Южного фронта 1919 года, наступление Южного и Юго-Восточного фронтов 1919—1920 гг. и др.²⁸ Стратегические операции проводили и войска Белой армии: это наступление войск Колчака 1919 года, наступление Вооружённых сил Юга России 1919 года, наступление Русской армии (П.Н. Врангеля) 1920 года.

Всё же с точки зрения категорий стратегии операции Первой мировой и Гражданской войн исследовались советской военной наукой лишь в «первом приближении». Можно утверждать, что вопрос о стратегических операциях этих войн, их поимённом определении и перечне так никем и не был поставлен в качестве специального предмета исследования. Иначе обстояло дело с изучением истории Великой Отечественной войны: со временем выявилась проблема досконального пересчёта стратегических операций, проведённых советскими Вооружёнными силами. Первыми этот вопрос подняли авторы «Стратегического очерка Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». В частности, они определили: «В ходе войны наши войска провели 10 крупных стратегических оборонительных операций»²⁹ и «более 30 стратегических наступательных операций»³⁰.

При этом актуальным стал вопрос о критериях, в соответствии с которыми ту или иную операцию можно было включить в число стратегических. Такие критерии в последующем уточнялись путём дискуссий и споров и в формулировке учёных ВАГШ приняли следующий вид: «стратегическая значимость цели и результатов операции; количество участвующих фронтов (как правило, два и более), объединений и соединений других видов Вооружённых Сил; планирование и руководство операцией со стороны Ставки ВГК»³¹. При этом указывалось, что большинство стратегических операций Великой Отечественной войны «отвечало всем трём критериям. Но отдельные операции можно было назвать стратеги-

ческими, хотя они отвечали двум, а в некоторых случаях и одному из перечисленных критериев»³². Учёные ВАГШ насчитали и дали характеристику 36 стратегических наступательных операций (включая Маньчжурскую периода Советско-японской войны 1945 г.). Из них 29 проводились силами двух—четырёх фронтов, остальные — силами одного фронта самостоятельно или во взаимодействии с флотом, военной флотилией, отдельной армией.

Количество стратегических оборонительных операций было определено числом 16³³. При этом оборонительный этап битвы за Москву был разделён на Московско-Вяземскую и Московскую оборонительные операции, а Сталинградская оборонительная операция разделена на две отдельные: сражения на дальних подступах к городу и сражения за город.

Тем временем в середине 1980-х годов читатели «Военно-исторического журнала» спрашивали, почему в разных изданиях «имеет место различный подход к определению названий и количества стратегических операций, проведённых советскими Вооружёнными Силами в годы Великой Отечественной войны»?³⁴ Представители Генштаба генерал-майор В.В. Гуркин и генерал-полковник в отставке М.И. Голловин взялись ответить на этот вопрос³⁵. Разработанный ими перечень стратегических операций Великой Отечественной войны с их формулировками и качественно-количественными характеристиками включил 47 наступательных (включая Маньчжурскую) и 15 оборонительных операций³⁶. После этого на страницах журнала развернулась дискуссия³⁷, итоги которой были подведены «Военно-историческим журналом» в 1987 году. Относительно нескольких операций было уточнено название, три операции (Одесско-Мелитопольская оборонительная, Ворошиловградско-Ростовская и Ржевско-Вяземская наступательные) были выведены из числа стратегических, две (Тихвинская и Ростовская наступательные) включены в число таковых. Было обновлено мнение о нецелесообразности разделять Московскую оборонительную и Сталинградскую оборонительную операции на две каждую. В результате итоговый перечень составили 37 наступательных (включая Маньчжурскую) и 14 оборонительных стратегических операций³⁸. При этом 39 операций были проведены силами двух—четырёх фронтов (в т.ч. во взаимодействии с флотом, военными флотилиями), 6 операций — силами одного фронта и одного флота³⁹ и 6 операций — войсками одного фронта (в том числе во взаимодействии с отдельной армией, флотилией)⁴⁰. Такой подход в дальнейшем был отражён в соответствующих статьях российской «Военной энциклопедии». В них в отличие от статей «Советской военной энциклопедии» были даны карты замыслов этих операций, разработанные на основе документов Ставки ВГК и командования фронтов.

Впрочем, по вопросу точного «исчисления» стратегических операций Великой Отечественной войны дискуссия до конца не завершена. В частности, военным историком С.Н. Михалёвым поднята проблема незавершённых стратегических операций, из чего вытекает необходимость соответствующе-

го уточнения «ранга» некоторых из них⁴¹. В период дискуссий учёных по обсуждению проекта 12-томной «Истории Великой Отечественной войны», разрабатываемой по решению Президента РФ, отмечалось, что критерии стратегической операции имеют сложный, комплексный характер и вовсе не предполагают однозначности цифровых итогов.

В завершение хотелось бы напомнить, что отказ в довоенной военной теории от понятия «стратегическая операция» и вытеснение его понятиями оперативного искусства не пошли на пользу советской военной стратегии, и эту проблему пришлось решать уже не в теории, а на практике, в ходе тяжелейших сражений. Ошибка, исправленная на практике, лишь в послевоенное время была преодолена в военно-научных обобщениях. В дальнейшем теория подготовки и проведения стратегических операций получила большой толчок в связи с появлением ракетно-ядерного оружия и других новейших систем вооружений. Но рассказ об этом уже выходит за пределы данной статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Определение прусского военного теоретика А. фон Булова (1757—1807). См.: Стратегия в трудах военных классиков. Т. 2. М., 1926. С. 27.
- ² Леер Г.А. Записки стратегии. Вып. 1. 3-е изд. СПб., 1877. С. 1.
- ³ Там же. С. 6.
- ⁴ В последнем издании своей «Стратегии» (СПб., 1899) Леер определил план операции как «комбинацию условий силы, времени, места и данной воли противника» (с. 85).
- ⁵ Энциклопедия военных и морских наук. Т. V. СПб., 1891. С. 456, 457.
- ⁶ См.: Незнамов А. Оборонительная война. (Теория вопроса). Ч. 1. Стратегия. СПб., 1909. С. 87—169.
- ⁷ Военная энциклопедия. Т. 17. СПб., 1914. С. 130.
- ⁸ Незнамов А. Современная война. Ч. I. М., 1922. С. III предисловия «От автора».
- ⁹ Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1949 гг.). М.: Воениздат, 1965. С. 413.
- ¹⁰ Там же. С. 238.
- ¹¹ История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарева. М., 2000. С. 229.
- ¹² Оперативный словарь. М.: АГШ, 1940. С. 54.
- ¹³ Там же. С. 60.
- ¹⁴ См.: Зайончковский А.М. Первая мировая война 1914—1918 гг. Общий стратегический очерк. М., 1924 (переработанное и дополненное издание этой книги выходило затем в 1931 и 1938—1939 гг.); Коленковский А.К. Маневренный период Первой мировой войны 1914 г. М., 1940; Таленский Н.А. Первая мировая война 1914—1918 гг. М., 1938.
- ¹⁵ Шиловский Е. Разгром немецких войск в Белоруссии // Воен. мысль. 1944. № 10—11. С. 16.
- ¹⁶ Злобин В. Современная фронтовая операция. (По опыту Великой Отечественной войны) // Воен. мысль. 1945. № 4—5. С. 25.
- ¹⁷ Шиловский Е. Некоторые черты сталинского военного искусства // Воен. мысль. 1945. № 8. С. 10.
- ¹⁸ См., например: Павленко Н. О рамках стратегических наступательных операций // Воен. мысль. 1946. № 9. С. 3—18; Ярчевский П. Стратегические оборонительные операции // Воен. мысль. 1948. № 8. С. 14—32; Павленко Н. О целях стратегических наступательных операций // Воен. мысль. 1953. № 1. С. 28—41.
- ¹⁹ Операции советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: В 4 т. Т. 4. М., 1959. С. 796.
- ²⁰ Там же. С. 424.
- ²¹ Военная стратегия. М., 1962. С. 181.
- ²² Грылёв А.Н. Советская военная стратегия в Великой Отечественной войне. (Исследование опыта политического и стратегического руководства Вооружёнными Силами СССР): Автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1969. С. 34.
- ²³ Строчков А.А. Вооружённые силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974. С. 206, 240, 478.
- ²⁴ Первая мировая война. 1914—1918. М., 1975. Т. 1. С. 328, 297.
- ²⁵ История военного искусства. М., 1986. С. 59.
- ²⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 101.
- ²⁷ Военный энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1986. С. 710.
- ²⁸ История военной стратегии России... С. 166.

²⁹ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1961. С. 920.

³⁰ Там же. С. 924.

³¹ Военное искусство во Второй мировой войне и в послевоенный период. М.: ВАГШ, 1986. С. 171.

³² Там же. С. 171.

³³ Там же. С. 183, 184.

³⁴ К вопросу о стратегических операциях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Воен.-истор. журнал. 1985. № 10. С. 10.

³⁵ См.: там же. При этом они исходили из следующих критериев отнесения операций Великой Отечественной войны к стратегическим: «решение важных стратегических задач и достижение крупных военно-политических целей; в большинстве операций большой пространственный размах боевых действий и участие в них значительного количества сил и средств; планирование Ставкой ВГК и координация действий фронтов, сил флота и других видов Вооружённых Сил». Как и у специалистов ВАГШ, к этим критериям имелось дополнение (примечание): «Несмотря на то, что некоторые наступательные и оборонительные операции Великой Отечественной войны по своему пространственному размаху и количеству участвовавших в них сил и средств не были крупными, в ходе них решались важные стратегические задачи, а планирование их и координацию осуществляли Ставка ВГК и её представители».

³⁶ Там же. С. 13—23.

³⁷ Там же. 1986. № 4. С. 48—52; № 5. С. 48—50; № 7. С. 46—48.

³⁸ Там же. 1987. № 10. С. 8—13. Наступательные: Тихвинская (10.11. — 30.12.1941 г.), Ростовская (17.11. — 2.12.1941 г.), Московская (5.12.1941 г. — 7.1.1942 г.), Керченско-Феодосийская десантная (25.12.1941 г. — 2.1.1942 г.), Ржевско-Вяземская (8.1. — 20.4.1942 г.), Сталинградская (19.11.1942 г. — 2.2.1943 г.), Северо-Кавказская (1.1. — 4.2.1943 г.), «Искра» (операция по прорыву блокады Ленинграда, 12.1. — 30.1.1943 г.), Воронежско-Харьковская (13.1. — 3.3.1943 г.), Орловская (12.7. — 18.8.1943 г.), Белгородско-Харьковская (3.8. — 23.8.1943 г.), Смоленская (7.8. — 20.10.1943 г.), Донбасская (13.8. — 22.9.1943 г.), Черниговско-Полтавская (26.8. — 30.9.1943 г.), Новороссийско-Таманская (10.9. — 9.10.1943 г.), Нижнеднепровская (26.9. — 20.12.1943 г.), Киевская (3.11. — 13.11.1943 г.), Днепровско-Карпатская (наступательная операция по освобождению Правобережной Украины, 24.12.1943 г. — 6.5.1944 г.), Ленинградско-Новгородская (14.1. — 1.3.1944 г.), Крымская (8.4. — 12.5.1944 г.), Выборгско-Петрозаводская (10.6. — 9.8.1944 г.), Белорусская (23.6. — 29.8.1944 г.), Львовско-Сандомирская (13.7. — 29.8.1944 г.), Яesso-Кишинёвская (20.8. — 29.8.1944 г.), Восточно-Карпатская (8.9. — 28.10.1944 г.), Прибалтийская (14.9. — 24.11.1944 г.), Белградская (28.9. — 20.10.1944 г.), Петсамо-Киркенесская (7.10. — 29.10.1944 г.), Будапештская (29.10.1944 г. — 13.2.1945 г.), Висло-Одерская (12.1. — 3.2.1945 г.), Западно-Карпатская (12.1. — 18.2.1945 г.), Восточно-Прусская (10.2. — 4.4.1945 г.), Венская (16.3. — 15.4.1945 г.), Берлинская (16.4. — 8.5.1945 г.), Пражская (6.5. — 11.5.1945 г.), Маньчжурская (9.8. — 2.9.1945 г.); оборонительные: операции в Прибалтике (22.6. — 9.7.1941 г.), в Белоруссии (22.6. — 9.7.1941 г.), в Западной Украине (22.6. — 6.7.1941 г.), в Заполярье и Карелии (29.6. — 10.10.1941 г.), Киевская (7.7. — 26.9.1941 г.), Ленинградская (10.7. — 30.9.1941 г.), Смоленское сражение (Смоленская оборонительная операция, 10.7. — 10.9.1941 г.), Донбасско-Ростовская (29.9. — 16.11.1941 г.), Московская (30.9. — 5.12.1941 г.), Воронежско-Ворошиловградская (28.6. — 24.7.1942 г.), Сталинградская (17.7. — 18.11.1942 г.), Северо-Кавказская (25.7. — 31.12.1942 г.), Харьковская (19.2. — 25.3.1943 г.), Курская (5.7. — 23.7.1943 г.).

³⁹ Оборонительная операция в Прибалтике 1941 г. (Сев.-Зап. фронт и Балт. флот), оборонительная операция в Заполярье и Карелии 1941 г. (Сев. фронт и Сев. флот), наступательные Керченско-Феодосийская десантная операция 1941—1942 гг. [Закавказ. (Кавк.) фронт и Черномор. флот], Новороссийско-Таманская операция 1942 г. (Сев.-Кавк. фронт и Черномор. флот), Крымская операция 1944 г. (4-й Укр. фронт и Черномор. флот), Петсамо-Киркенесская операция 1944 г. (Карельский фронт и Сев. флот).

⁴⁰ Оборонительные операции 1941 г. Западного (в Белоруссии) и Юго-Западного (в Зап. Украине) фронтов, Киевская оборонительная операция 1941 г. Юго-Западного фронта, наступательные Ростовская 1941 г. (Юж. фронт и 56-я отд. армия), Киевская 1943 г. (1-й Укр. фронт и часть сил Пинской военной флотилии) и Львовско-Сандомирская 1944 г. (1-й Укр. фронт, на 2-м этапе и 4-й Укр. фронт, образованный из войск левого крыла 1-го Укр. фронта).

⁴¹ Михалёв С.Н. Стратегические решения: Противоборство двух стратегий на Восточном (советско-германском) фронте в 1941—1945 гг.: В 2 кн. Красноярск, 1998. Кн. 2. С. 158, 159.

**Полковник в отставке
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ**